

Казанина Л.Ю.

СТОЛЫПИНСКАЯ ПРОГРАММА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ОЦЕНКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ (по материалам газеты «Речь»)*

Аннотация. В статье излагается позиция ведущей либеральной партии России начала XX в. относительно столыпинской программы модернизации России. На материалах печатного органа конституционно-демократической партии газеты «Речь» доказывается, что агитационно-пропагандистская деятельность кадетской партии заключалась в критике наиболее уязвимых аспектов реформ П.А. Столыпина и формировании отрицательного по отношению к ним общественного мнения, что, по мнению автора статьи, сыграло не последнюю роль в неприятии обществом столыпинского варианта модернизации России.

Ключевые слова: Столыпинский вариант модернизации России, либеральная модель, кадеты, оппозиция.

L. Kazanina

STOLYPIN'S PROGRAM OF MODERNIZATION OF RUSSIA IN AN ESTIMATION OF THE CONSTITUTIONAL DEMOCRATS

Abstract. The position of the main liberal Russian party of the beginning of the XX century concerning one of Stolypin's programs of modernization of Russia is stated in the article. On the materials of publication of CDP – the newspaper "Rech" – it is proved, that agitation-and-propaganda activity of the cadet's party consisted in criticism of the most vulnerable aspects of Stolypin's reforms and formation negative public opinion towards them. It, in the opinion of the author of the article, has played not last role in social aversion of Stolypin's variant of the modernization of Russia.

Key words. Stolypin's variant of the modernization of Russia, liberal model, cadets, opposition.

Российская модернизация, форсированная и направляемая сверху, стимулировала появление новых форм политической активности и дала толчок к развитию рассмотрения вопросов преобразований не только на уровне институтов

государственной власти, но и в самом обществе. «Для суждения о том, как общество и народ отнеслись к политике нынешнего министерства, нужно подождать реакции на нее со стороны настоящих политических партий, действующих на выборах в государственную думу и представляющих собою организации, раскинутые по всей стране», - писала «Речь» - центральный орган конституционно-демократической партии [Речь 1906, 14 сентября].

На программу, предложенную министерством П.А. Столыпина и включавшую в себя две взаимосвязанные задачи: предупреждение беспорядка энергичными средствами твердой власти и подготовка и проведение реформ, печатный орган кадетов отреагировал незамедлительно: «Мы вообще не верим в чудеса, и поэтому мы не верим в способность министерства разрешить ту грандиозную задачу, за которую оно взялось. Единственный выход для всех, кто стремится к мирному разрешению кризиса, является скорейшее возобновление действия народного представительства, вокруг которого должны сорганизоваться все живые силы страны» [Речь 1906, 9 августа]. Первая часть правительственной программы, в частности деятельность военно-полевых судов, вызывала особенно сильное негодование кадетов, по мнению которых, «крестьянские экзекуции нашли в г. Столыпине особенно усердного адепта» [Речь 1906, 20 апреля]. Отмена механизма чрезвычайного положения и военно-полевых судов, по мнению кадетов, есть неперемное условие успеха реформирования страны.

Прежде чем проводить какие-либо реформы, нужно, по мнению кадетов, ввести в России народное представительство: «Чем искреннее правительство будет стремиться к проведению реформ, тем ярче и для него будет выступать истина, что без общения со страной это невозможно и что единственная форма такого общения – это совместная и непрерывающаяся работа с народным представительством» [Речь 1906, 17 августа]. Без парламента все готовящиеся правительством реформы потерпят крах. П.А. Столыпина же кадеты считали врагом не только парламентаризма, но и конституционализма [Речь 1906, 13 октября]. Кадетский рупор осуждает кабинет П.А. Столыпина за стремление оставить всю полноту власти за собой, лишив депутатов какой бы то ни было инициативы, но переложив на них всю ответственность за свои ошибки: «Бюрократия претендует на руководство страной даже после того, как манифестом 17 октября ей определенно указана чисто исполнительная роль» [Речь. 1906, 9 сентября].

Преследуя цель добиться максимально возможных изменений наиболее важных законопроектов, кадетские лидеры избрали тактику давления на правительство путем формирова-

* © Казанина Л.Ю.

ния соответствующего общественного мнения посредством публикаций в печати и выступлений в Государственной думе, стенографические отчеты о заседании которой они публиковали на страницах «Речи». Критика политики правительства П.А. Столыпина усилилась после V съезда КДП, состоявшегося в октябре 1907 года и определившего новую тактику партии, которая заключалась в отказе от самостоятельной разработки законопроектов и перенесении центра тяжести на «серьезную критику» проектов правительства, «внесении в них улучшений». «Речь» убеждала своих читателей в том, что в реформаторских проектах П.А. Столыпина не было системности, что они изменяли лишь элементы системы во имя сохранения целого – самодержавной модели управления.

Один из важнейших проектов правительства П. А. Столыпина в деле освобождения «становящейся личности» – законопроект о неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции также получил нарекания от кадетского печатного органа. Кадетские публицисты придирались не только ко всему, к чему можно придраться, но и к чему придраться было нельзя. Они почему-то решили, что законопроект относится исключительно к первой стадии ареста и обыска. Но и в этой стадии, по их мнению, «русская действительность вторгается в законный ход судебного преследования в виде надзаконных прав корпуса жандармов. Устранить эту брешь можно только, устранив их от первоначального дознания и передав его исключительно чинам судебного ведомства» [Речь 1909, 16 ноября].

По мнению кадетского рупора, в печальной летописи «конституционного» законодательства лишь одна светлая страница приковывала воспоминание и обезоруживала самую суровую критику. Это были «вероисповедные законопроекты, в которых вся Россия увидела, после стольких напрасных ожиданий, первый, хотя и запоздалый приступ к осуществлению программы 17 октября» [Речь 1910, 14 мая].

Однако, по мнению кадетов, правительство так и не сумело довести до логического завершения реформу свободы совести. В статье «Свобода совести», посвященной пятилетию действия Манифеста 17 октября, В. Караулов подводит печальный итог: «В деле свободы совести не только не вошли ни в законодательство, ни в жизнь великие обещания манифеста 17 октября, но и теперь перед нами поставлена задача вести упорную, по всему вероятно продолжительную, и быть может, временно не всегда успешную борьбу за указ 17 апреля 1905 года» [Речь 1910, 17 октября].

По мнению кадетов, задача заключается не в частных улучшениях, а в полном обновлении,

в укреплении конституционного строя. Поэтому при всей первостепенной важности такие меры как «выборность мировых судей, независимость судебной власти и отделение ее от административной идут мимо главной цели – создать такой порядок, при котором личность действительно была бы неприкосновенна и могла бы пользоваться своими естественными правами» [Речь 1906, 1 июня]. Это положение и стало основой для критики судебной реформы П.А. Столыпина. По поводу опубликованной программы деятельности министерства юстиции по законодательным вопросам «Речь» писала: «Первое, что поражает в программе деятельности, это – отсутствие в ней всякой перспективы... Перед нами не живая «программа деятельности», а систематический каталог законопроектов, накопившихся за много лет в архиве правительства» [Речь. 1906, 14 ноября].

Демократизация и гуманизация судебной системы руками столыпинского министерства казалась кадетам невозможной. По поводу проекта об изменениях порядка дознания, следствия и суда по делам о государственных преступлениях «Речь» заявила: «Мы считаем слухи о коренных реформах в области порядка преследования политических преступлений едва ли имеющими основание, и по поводу нового проекта невольно вспоминается уже внесенное в Думу законодательное предположение о неприкосновенности личности, которое в самом деле должно санкционировать полную ее неприкосновенность» [Речь 1908, 23 июля].

По мнению кадетского рупора, «министерство стало на прежний путь частичных исправлений более или менее необходимых, но не способных ни на йоту улучшить общее безотрадное состояние правосудия» [Речь 1909, 6 мая]. К числу таких поправок «Речь» относит и проект введения состязательного начала в обряд предания суду. Таким образом, один из важнейших законопроектов, обеспечивающих защиту граждан на предварительном следствии, получил у кадетов название «отдельной маленькой заплаты», которая может только увеличить пестроту, а не произвести улучшения в юстиции.

В 1910 году выступления кадетов становились все более оппозиционными. С точки зрения «Речи», политический смысл переживаемого момента находился «в противоречии с юридическим характером «обновленного строя» [Речь 1910, 28 января]. Кадеты считали, что по причине распространения действия исключительных положений компетенция гражданских судов была в значительной мере сужена и масса дел отошла сначала к военно-полевым, а затем к военно-окружным судам. Таким образом, признавая важность реформы судебной системы, кадеты и в этой сфере

связывали успех с изменениями общих условий современности, с приданием законодательным учреждениям реальной власти, и поэтому критически воспринимали любое предложение, исходившее от правительства. Кадетский рупор всегда находил, к чему придраться в новом законопроекте, акцентируя внимание на недостатках и представляя достоинства как вынужденную необходимость, которую наконец-то осознало правительство.

Либеральную печать отличало жесткое неприятие основных положений столыпинской аграрной политики, в которой она усматривала беспринципность, конъюнктурность, продворянскую направленность. Кадетская «Речь» отрицательно оценивала эти преобразования, обрушив на правительство П.А.Столыпина шквал критики в первую очередь за проведение этих проектов в обход народного представительства на основании 87 статьи Свода Основных государственных законов Российской империи [Речь 1906, 14 ноября].

Мнение партии народной свободы, отражающее ее отношение к аграрной реформе правительства, сформулировал видный теоретик-аграрник в рядах кадетской партии, бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер, который стал главным оппонентом всех аграрных мероприятий правительства на страницах «Речи»: «Противодействие помещиков предопределило всю земельную политику правительства, которое решилось на некоторые паллиативы, но отвергло и отвергает всякие решительные меры на пользу крестьянского населения в виду невыгодности их для помещиков... В результате – никакой аграрной реформы, но и никакой уверенности в успокоении крестьянской массы» [Речь 1908, 16 января].

Указ 9 ноября 1906 г. вызвал особое негодование кадетов, выступивших против разрушения общины: «Община предается простому растерзанию, общинные земли – простому разграблению, и этим путем создается мыслимо-худшая форма землевладения: дробная чересполосица общинных земель с землями, выделенными в личную собственность отдельных предприимчивых общинников. «Укрепленные» в личную собственность земли выбрасываются на рынок, и этим открывается простор для необузданной спекуляции на отдельные земли» [Речь 1907, 1 января]. Серьезное нарекание со стороны кадетского органа вызвало то, что этим законом обессиливается вся община в пользу отдельного выделяющегося [Речь 1906, 14 ноября]. Но, выступая за более осторожное отношение к общине, кадеты постоянно указывали на то, что не являются сторонниками исключительно общинной формы землепользования в духе славнофильской традиции.

Интегральная часть правительственной системы аграрных реформ – переселение крестьян в Сибирь – встретила лишь жесткую критику со стороны кадетской печати, которая ничего конструктивного в ней не отмечала, а только указывала на серьезные просчеты правительства и осложнения в переселенческом деле, систематически, обстоятельно разбирая все дефекты ходячего и переселенческого движения, рассказывая об отчаянном и безвыходном положении переселенцев-самовольцев, об увеличении потока обратных переселенцев [Речь 1910, 14 августа; 13 октября; 7 ноября; 25 ноября; 1911, 6 января; 7 января; 30 августа]. Вывод кадетских публицистов относительно переселенческой политики, проводимой правительством, очевиден: «Если физически невозможно устраивать на местах и перевозить по железной дороге количество переселенцев, равное естественному приросту, то ясно, что на переселение нельзя смотреть как на способ решения аграрного вопроса в России» [Речь 1907, 12 июня]. Поэтому переселение крестьян в Сибирь кадетская печать считает не иначе как «похоронами на государственный счет» [Речь 1909, 28 марта].

Подводя итог вышесказанному, отметим очевидное неприятие радикальной частью либерального лагеря основных положений аграрной реформы П.А. Столыпина, во-первых, потому, что кадеты видели иной путь разрешения аграрного вопроса в России; во-вторых, им приходилось лавировать в сложной политической обстановке в целях расширения своей социальной базы: лидерам партии кадетов были нужны голоса крестьян при выборах в Думу, а общинников было в три раза больше, чем хуторян. Главное внимание кадеты уделяли предотвращению ускоренного разрушения общины и правовым аспектам существования тех домохозяев, которые не желали отказываться от совместного владения землей.

Не имея возможности оказывать непосредственное влияние на правительственную политику, но обладая мощным пропагандистским аппаратом, они избрали тактику противодействия «вредным последствиям» от проводимого аграрного курса путем формирования негативного общественного мнения и внесения поправок в законы во время их постатейного обсуждения на заседаниях Государственной думы.

Не меньше нареканий со стороны кадетов вызвала реформа местного управления, которая по замыслу П.А. Столыпина, должна была стать механизмом, способствующим результативному проведению системных преобразований. Новые плоды законодательного творчества министерства в области местного управления «Речь» называет не иначе как «увеличением запасов законодательной макулатуры» и предрекает им неминуемое круше-

ние в Государственной думе. Детальной критике подверглись «Главные начала устройства местного управления» (1906). Своих читателей «Речь» пытается убедить в том, что под видом введения новых элементов в местное управление правительство стремится сохранить его без изменений, оставив руководящую роль за крупными землевладельцами.

Не остались без внимания и соответственные критики кадетов реформы в области экономики и налоговой политики. Общую гармонию правительственной политики, характерной чертой которой является беспринципность, нарушают, по мнению Н.Н. Кутлера, два законопроекта в финансовой сфере: законопроект о введении прогрессивного налога, который «отвечает требованиям податной справедливости – и в этом его бесспорная заслуга» [Речь 1907, 24 ноября] и проект преобразования пошлин с наследства [Речь 1907, 24 ноября]. Но большая часть вносимых в Думу финансовых законопроектов, по его мнению, не имеет «никакой другой ценности, кроме приносимого ими увеличения средств казны». Таким образом, и финансовые реформы министерства П.А. Столыпина в большинстве своем вызвали скептическое отношение кадетов, несмотря на явные прогрессивные моменты, которые они вынуждены были все-таки признать.

Законодательные проекты правительства по рабочему вопросу кадеты рассматривали лишь как средство, которое использует бюрократия для того, чтобы «повлиять на широкие слои населения в свою пользу, преподнося им приятные законодательные подарки» [Речь 1906, 20 ноября]. Резкое обличение правительственных законопроектов по рабочему вопросу с тщательным анализом и разбором всех, даже самых незначительных недочетов обязательно заканчивалось утверждением о том, что для их реального воплощения на практике «необходима реформа выборов в наши муниципальные учреждения» [Речь 1906, 10 ноября], что «новые законодательные подарки г. Столыпина и его товарищей ставят на очередь дальнейшие законодательные вопросы, разрешение которых в демократическом духе будет под силу только демократически настроенному народному представительству» [Речь 1906, 20 ноября]. Вывод кадетского рупора по итогам 1907 года в рабочем законодательстве крайне пессимистичен: «Ничем сколько-нибудь значительным в этой области 1907 год не отмечен, и в бюллетене международного бюро труда, в котором отмечаются законы по охране труда всех стран, Россия отсутствует» [Речь 1908, 1 января].

Занимая в рабочем вопросе антибуржу-

азную позицию, кадеты осуждали «промышленников, которые не хотят брать на себя ответственность за проекты по рабочему вопросу» [Речь 1907, 18 февраля], и правительство, принимающее «указания промышленников и игнорирующее справедливые нужды рабочих» [Речь 1907, 15 февраля]. Несмотря на гибкое и дифференцированное страховое законодательство, разработанное правительством, кадетские публицисты отказывали в доверии министерству торговли и промышленности: «Такой свободы, какую пользуются промышленники, рабочие не скоро дождутся, если дело их охраны будет оставаться в руках министерства, главная забота которого есть охрана капитала, и потому им немного можно ожидать от работы настоящей комиссии, в которую приглашать их не считают возможным за отсутствием законных организаций, образование которых в то же время считается недопустимым» [Речь 1907, 14 февраля].

Как сторонники демократических преобразований вообще, кадеты приветствовали многие начинания правительства П.А. Столыпина в области просвещения и профессиональной подготовки населения, особенно план создания единой и общедоступной образовательной сети, включавшей начальное, среднее и высшее образование. «Речь» с удовлетворением отмечала, что программа министерства просвещения «обнимает все виды образовательных учреждений, от самых низших до высших, на первый план выдвинута забота о народной школе, и ближайшей своей задачей министерство народного просвещения считает возможно скорое осуществление общедоступности, а в последствии и всеобщезательности начального образования. В достижении этой цели министерство рассчитывает опереться на общество, на общественную и частную инициативу, на усилия и средства органов общественного самоуправления и частных лиц» [Речь 1906, 18 ноября].

Однако центр тяжести был перенесен с положительных моментов на критику «слабых сторон» министерской программы. Чаще всего кадетская критика представляла собой замечания не по существу предлагаемых мероприятий, а сводилась к утверждению о невозможности их осуществления в современных условиях: «Программа деятельности, рассчитанная на широкую поддержку общественных сил, висит в воздухе, раз нет налицо тех общеполитических условий, которые одни только могут вызвать пробуждение общественной и частной инициативы и гарантировать прочность и устойчивость ее начинаниям» [Речь 1906, 18 ноября].

Либерально-оппозиционная печать первое место на своих страницах отводила вопро-

сам общей политики, стремилась превратить обсуждение любого вопроса в политическую проблему. Это в полной мере относится и к вопросам реформирования армии. Критикуя военное министерство, кадеты требовали от власти введения действительного конституционализма. Кадетские публицисты старались не вдаваться в полемику по военным вопросам, считая, что до тех пор, пока в России не водворится подлинно конституционный строй, ни о каком союзе армии с обществом не может быть и речи.

Центральное звено кадетской критики правительства – отсутствие определяющей идеи и системности в проведении реформ – находит отражение и в отношении к правительственным планам преобразования армии: «Наше военное министерство, в отношении условий, в которых ему приходится работать, разделяет большую часть нашего государственного управления: отсутствие определенной системы, неустойчивость взглядов, слабость доктрины, могущество отдельных личностей и как следствие последнего – разъедающее влияние интриги» [Речь 1909, 13 марта].

Критика кадетов затрагивала военные реформы не по существу (упорядочение принципов комплектования вооруженных сил, их перевооружение, строительство необходимой инфраструктуры), а выхватывала отдельные дополняющие изменения. Так, например, «новой реформой на старый лад» называет В. Козельцов реформу института денщиков [Речь 1908, 4 апреля].

В военном обзоре за 1909 год «Речь» писала: «Ни одной крупной реформы принципиального и длительного значения, никакой определенной программы действий, ни единой яркой мысли в нескольких сотнях приказов и циркуляров целого года!» [Речь 1910, 1 января]. Перечисляя проведенные в течение истекшего года упразднения, перестановки, восстановления, назначения, кадетский рупор отказывается признать их реформами, считая, что это лишь их имитация [Речь 1909, 25 сентября]. Успех военных реформ кадеты ставили в зависимость от общегражданского переустройства. Отсюда разоблачительный пафос достаточно редких публикаций на военные темы, неверие и скептицизм в отношении способности военного министерства осуществить коренные преобразования в военном деле.

Кадеты отказались видеть в мероприятиях, проводимых правительством П.А. Столыпина, широкую программу реформирования внутренней жизни России. Так, еще в апреле 1909 года в связи с распространившимися слухами о возможной отставке П.А. Столыпина, «Речь» писала:

«Столыпин имеет мало прав на нашу защиту и ничем не заслужил ни нашей благодарности, ни нашего сожаления» [Речь. 1909. 10 апреля]. Отказав в поддержке правительству П. А. Столыпина, кадеты негласно санкционировали убийство человека, который, по их собственному признанию (правда сделанному ему после его смерти), «поставил во главе правительственных забот превращение России в государство правовое, укрепление законности и гражданской свободы»: «Имя его перейдет в историю России, тесно связанное с целой эпохой, краткой годами, но многозначительной по содержанию» [Речь 1911, 6 сентября].

Таким образом, несмотря на то, что программа КДП и план столыпинской модернизации совпадали в главном: формирование правового государства и гражданского общества, развитие рыночных отношений, кадеты не поддержали власть, а выступили в качестве оппозиции. Даже попытки или желания пойти на компромисс с министерством П.А. Столыпина кадеты не проявили. Кадетская критика столыпинских реформ приняла характер резкого обличения и придинок не по существу рассматриваемого вопроса, а по отдельным наиболее уязвимым его аспектам. Реформы П.А. Столыпина представлялись кадетами как вынужденные частичные улучшения, притом запоздалые по времени и слишком незначительные в условиях, требующих более широких демократических преобразований, прежде всего развития парламентаризма. Кадеты отказывали премьер-министру в признании перспективы его программы модернизации, так как преобразования, по их мнению, не привели к обновлению конституционного строя. Отказ от публичной поддержки правительственных реформ отчасти был продиктован соображениями предвыборной борьбы, стремлением к захвату исполнительной власти и личной неприязнью к П.А. Столыпину, отказавшему в легализации ПНС. Кадеты делали все возможное, чтобы сорвать «органическую работу» Думы и правительства [Милюков П.Н. 1991, 237] и предъявляли все новые и новые требования: об отставке правительства, о чрезвычайных полномочиях, о думском правительстве. Такая постановка вопроса свидетельствует о полном отсутствии сознания необходимости сохранения и поддержания государственной власти. Агитационно-пропагандистская деятельность кадетской партии, заключавшаяся в критике наиболее уязвимых аспектов столыпинских реформ и формировании отрицательного по отношению к ним общественного мнения, сыграла не последнюю роль в неприятии обществом столыпинского варианта модернизации России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Речь: Центральный орган партии кадетов СПб. 1906-1911 гг.
2. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

УДК: 359(09)

Бажанов Д.А.

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: КОНФЛИКТ
КОНЦЕПЦИЙ ДИСЦИПЛИНЫ В
МАРТЕ-ОКТЯБРЕ 1917 Г.
(на материалах 1-й бригады ли-
нейных кораблей
Балтийского флота)**

Аннотация. В статье, применяя антропологический и микроисторический подходы, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, рассматриваются вопросы взаимосвязи политической обстановки в стране и «революционной дисциплины» моряков Балтики. Делается вывод, что новое понимание дисциплины в марте – октябре 1917 г. приводило к конфликту с офицерским составом и снижению боеспособности флота.

Ключевые слова: революция, повседневность, 1917 год, матросы, Балтийский флот.

D. Bazhanov

REVOLUTIONARY EVERYDAY ROUTINE:
THE CONFLICT OF THE CONCEPTS OF DISCIPLINE
IN MARCH AND OCTOBER 1917 (BASED ON THE
MATERIALS OF THE 1ST BATTLESHIPS BRIGADE OF
THE BALTIC FLEET)

Abstract. In this article, using anthropological and microhistorical approaches, based on new archival material, examines the relationship of the political situation in the country and the «revolutionary discipline» of the sailors of the Baltic Sea. It is concluded that a new understanding of the discipline in March - October 1917 resulted in the conflict with the officers and reduced the combat capability of the fleet.

Key words: the revolution, everyday life, in 1917, the sailors, the Baltic Fleet.

Вооруженные силы, будучи государствен-

но-общественным институтом, отражают не только военную мощь страны, но и эффективность всех ее систем, психологию масс, ценностные ориентиры общества. В свою очередь, показателем уровня морального духа и боеспособности служит соблюдение дисциплины – порядка поведения, основанного на строгом подчинении нижестоящих лиц приказам вышестоящих, а также инструкциям, обязательным для исполнения всеми. В Российском Императорском флоте основными источниками, определявшими правила службы, являлись военно-морской устав и военно-морской устав о наказаниях. Благодаря им была оформлена и закреплена жесткая система подчинения: матрос – унтер-офицер, кондуктор – офицер. Любая попытка выйти из этих рамок наказывалась. Меры наказания варьировались от постановки в полном обмундировании на несколько часов «под винтовку» до отправки в дисциплинарные батальоны или в тюрьму. Приговоры, в зависимости от тяжести проступка или преступления, могли выноситься офицером роты, где служил виновный, командиром корабля, корабельным или военно-морским судом. Падение императорской власти вызвало к жизни необратимые изменения, в том числе и в дисциплинарной сфере.

Первый серьезный удар был нанесен событиями 1-4 марта 1917 г., когда в ходе кровавых беспорядков в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе было убито около 90 морских офицеров. Авторитет офицеров в глазах нижних чинов был поколеблен, в том числе неспособностью отстоять свои права. Этому способствовали и первые приказы нового командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.С. Максимова. Так, 4 марта на линейных кораблях 1-й бригады получили такой семафор из штаба бригады: «Все взыскания, наложенные властью адмирала, слагаются. Максимов». За этим последовал аналогичный циркуляр от имени начальника бригады [19, 58]. Подобные меры, являвшиеся индульгенцией на всё, что произошло, убеждали экипажи в своей безнаказанности.

Важнейшую роль в этом процессе сыграло появление и функционирование выборных организаций всех уровней. В первую очередь это касается судовых комитетов. Были они созданы и на дредноутах. Первым стал «Гангут», где выборы состоялись вечером 3 марта, ночью же комитеты появились и на трёх других кораблях [27, 310; 28, 78]. В дальнейшем право наказания нижних чинов фактически закрепилось за судовыми комитетами. В арсенале командного состава остался скромный перечень наказаний: объявление выговора (командирского в приказе, офицерского – на словах) и присмотр за провинившимся на срок не более одного дня. Но даже их матрос мог обжаловать через судовой комитет [22, 5-9].

Как же использовали комитеты своё право?